

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

СТИХОТВОРНЫЕ ЖАРТЫ XVIII в. И ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рукописная литература XVIII в. дает значительное количество образцов нового, по сравнению с предшествующим временем, жанра — стихотворной новеллы, то сатирической, то юмористической. Обработывая в этом новом жанре самые разнообразные книжные и фольклорные сюжеты, неизвестные авторы отбирали из своих источников (басен Эзопа, фавстий и повестей XVII в., сборника анекдотов, переведенного в первой трети XVIII в., народных сказок, пословиц, поверий) такой материал, который открывал им возможность выразить свою житейскую мораль.¹

Лишенные какого бы то ни было оттенка чувствительности, жарты почти всегда показывали читателю жизнь с ее оборотной — достойной осуждения или насмешки — стороны и в то же время прямо или косвенно подсказывали такую линию поведения, которая обеспечивала, с их точки зрения, житейский успех. Жизнь — борьба, внушали авторы жарт; в ней редко торжествует правда, зато выигрывает чаще всего сильный и ловкий, не задумывающийся над нравственной оценкой своих поступков человек. Не зевай и не верь никому — ни другу, ни детям, ни жене, не-

---

¹ Общая характеристика этой морали дана мной в статьях: Фольклорные сюжеты стихотворных жарт XVIII века. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1950, стр. 44—45; Западноевропейская городская новелла в русской рукописной литературе XVIII века. Русско-европейские связи. Сборник статей к 70-летию академика М. П. Алексеева. Изд. «Наука», 1966. — Старшая группа «забавных» жарт известна мне в 12 сборниках XVIII в., из них по одному — собрания Лукашевича № 50/1343 1747 г. (ГБЛ) текст издан А. В. Кокоревым при статье: Русские стихотворные фавстии XVIII в. — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования. Под ред. Н. К. Гудзия, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 242—276; шесть рассказов издано там же (стр. 277—282) по рукописи, принадлежащей А. В. Кокореву. Вторая группа — «фигурные» жарты — известна мне в пяти списках второй половины XVIII в.; текст этой разновидности жарт не издан. Отдельные жарты обеих групп встречаются в значительном числе сборников XVIII в.

весте или любовнице — вот практичная, деловитая, но жесткая мораль жарт, усвоенная авторами через источники и нередко еще сильнее, резче, чем в них, выраженная при обработке готовых сюжетов русскими авторами XVIII в.

Поднимавшийся в русском городе с Петровского времени мелкий буржуа-делец сочувствовал такому отношению к жизни. Образ предка такого дельца-собственника, приобретателя показал уже в XVI в. Домострой. Однако домостроевский хозяин еще пытался скрыть свое лицо за повторяющимся хотя бы формально христианским заветом: «Помышляй вечного, не желай тленного и временного»; он приобретает больше расчетливостью и даже скупостью. Собственность в жартах добывается часто хитростью и прямым обманом. Моральная оценка такого поведения в жартах исключается, так же как отсутствует она и в рассказах о проделках «непостоянных» жен и девиц.

В спешке переустройства частного быта, сопровождавшего общественные реформы Петра I, выплывали и в жизни дельцы, напоминавшие ловких героев жарт. И читатель, освобождавшийся от стеснительной опеки религиозной дидактики, находил интересными стихотворные рассказы о беззастенчивых, но веселых плутах обоего пола, не возмущался, а сочувствовал их жажде материальных благ и охотно развлекался чтением жарт. Как видно из заглавий сборников жарт и читательских помет, эти рассказы для читателя «смешны», «потешны», «забавны», «увеселительны», их «охотно» читают, как «в веселую игру» играют. Однако к концу XVIII в., по мере того как затихла горячка предпринимательства петровского периода, из среды читателей стали раздаваться голоса, осуждавшие литературу этого типа: теперь жарты аттестуются как «пустое и непотребное зло», «непотребная речь», их «скучно читать», и читателю советуют «бросить их в печь». И все же печатные сборники типа «Старичка-Весельчака» отбирали материал из этих отвергаемых полностью некоторыми читателями сборников жарт, отдельные сюжеты их воспроизводили лубочные издания, отзывались некоторые жарты и в народной сказке.

В довольно пестром составе сборников жарт особенно выделяется по числу рассказов раздел, героини которого женщины и девушки. Положительные черты их характеров и поведения избораются редко. Но то, над чем можно посмеяться, или то, что следует осудить — суетность, тщеславие, бесстыдство, сварливость, пьянство, упрямство, скупость, корыстолюбие, — все эти общечеловеческие пороки показаны и в женских характерах. Однако авторы русских стихотворных жарт отдали в своих источниках предпочтение тем сюжетам, в которых женщина предстает в своем отношении к мужу или любовнику, в которых показаны разнообразные «увертки», помогающие женщине устроить свою личную жизнь по-своему и для этого обмануть, перехитрить или

одурачить мужа — особенно если это «старый муж». Так в русскую литературу входит популярная тема западноевропейских средневековых фавль и городских новелл раннего Возрождения.

Была сделана попытка связать этот раздел жарт с древнерусскими религиозно-дидактическими «сказаниями о злых женах».² Однако отношение авторов к женским «уверткам» не дает никаких оснований вести мораль жарт о женском «непостоянстве» от традиции учительной литературы.

Весь раздел, повествующий об этих «увертках» и вообще о теме любви, разбивается на две группы жарт. В меньшей речь идет о женских неудачных хитростях, которые раскрываются, вызывая насмешку, а изредка и осуждение. В большинстве жарт с явным сочувствием рассказывается о том, как женщины, вопреки всякой очевидности, отводят от себя подозрения в измене, а иной раз еще и сами предъявляют мужьям очень ловко подтасованный встречный иск.

Во всех жартах обеих групп женщина изображается жадно ищущей чувственной любви. Изредка автор высмеивает женщин, если они, в поисках такой любви, ведут себя глупо (девица поверила шуточному совету выбрать милого «с большим носом» для большей «утехи» — и разочарована; другую уверили, будто девушке с большим ртом обещано три мужа, и она растягивает рот, и т. д.). И все же даже за неудавшуюся измену автор советует наказывать «не побоями», а «фигурою», т. е. хитростью: «Побоями не отлучишь, а фигурою разлучишь» — такова морализирующая «притча», которой заканчивается рассказ о шуте, оттолкнувшем жену от любовника именно хитростью, а не «плетью». Очевидно, вера в спасительную силу «плети» (домостроевского «жезла») была уже поколеблена в какой-то части тех слоев общества, откуда вышли и создатели, и потребители литературы типа жарт.

Страстью к чувственным удовольствиям жарты наделяют женщин и девушек всех социальных слоев. В их изображении одинаково мечтают о том, чтобы иметь нескольких мужей или любовников сенаторские жены, трактирщица, крестьянка. И чем больше ловкости, изворотливости и смелости обнаруживает женщина в своих любовных проделках, тем с большим интересом и несомненным сочувствием описывают их жарты, где и девушки так же смело, как замужние женщины, нарушают все семейные запреты, ограничивающие их право на свободный выбор любимого. В отличие от своих прозаических оригиналов, жарты часто подчеркивают, что не строгость, не запреты, не страх наказания, а одна любовь может удержать женщину от измены.

Такая мораль не имеет ничего общего с суровыми наказаниями и обличениями «злых жен» в учительной древнерусской

² А. В. Кокорев. Русские стихотворные фацеции XVIII в. — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М.—Л., 1941, стр. 224.

литературе. Решительно отличается веселое изображение проделок «непостоянных жен» и их «любителей» от мрачных инвектив «слов о злых женах» по адресу «телесного угодия», «бесстыдства», «блуда», «любви дьявольской», которые клеймятся позором в этой жизни и влекут за собой «всякую муку» на «дне адовом». В жартах даже не произносится слово «грех», и нет намека на морально религиозную оценку женского поведения. И читатель следит только с интересом за тем, удастся или нет женская проделка. Он не осуждает «проступок» неверной жены, но вместе с автором весело смеется над одураченным мужем или «любителем». А такие настроения идут не от «слов о злых женах», а от городской новеллы Запада. Именно эта литература молодых городских сословий, защищая любовь как здоровое полнокровное чувство, выступала и против изображения ее как условного мистического настроения в рыцарской поэзии, и против осуждения ее как греховного «плотского угодия» в христианской средневековой дидактике. Русская литература XVIII в., вместе с бытом освобождавшаяся после петровской реформы от постоянного контроля церкви, отражает перелом в отношении к любовной теме.

В жартах любовь, хотя бы и вне брака, не «дьявольское наваждение», а здоровое, веселое, может быть даже и легкомысленное чувство, во всяком случае естественное. Потому-то и достается так много насмешек в жартах «старому мужу» молодой жены. И если в повести о Савве Грудцыне обольщение юноши Саввы женою старого купца Бажена еще напоминает читателю библейскую историю жены Пентефрия и Иосифа Прекрасного, то веселое заигрывание «купцовой жены» с приказчиком ничуть на эту историю не похоже, хоть приказчик поначалу тоже отвечает ей «с сердцем» (сердито), затем, напуганный приходом мужа, «от того страха велика не отверзает пред ней и языка» и не собирается отвечать на ее ухаживания.

Мораль этого и других жарт утверждает, что не узы брака, а одна любовь делает женщину «постоянной», что насилем и побоями ей нельзя внушить обязанность соблюдать супружескую верность. Это новая мораль, ничего общего не имеющая с дидактикой «слов о злых женах»; в ней слышен голос раскрепощающейся женщины, смело заявляющей свои права.

Историк литературы вправе поставить вопрос: почему около середины XVIII в. так ощутителен был интерес к теме женских проделок, направленных к тому, чтобы хоть хитростью вырваться на свободу, ослабить власть семьи — родителей и мужа, сковывающую личную жизнь женщины? Ведь не случайно авторы жарт так много внимания уделили этому разделу.

Еще в XVII в. назревает глухой протест против деспотизма в семейной жизни, отрицающего за девушкой и женщиной право свободного выбора мужа; тесно и душно становится женщине,

запертой в терему, лишенной всякого общества, кроме женского. Смелые и инициативные девушки и женщины пробуют вырваться из-под опеки семьи. На защиту установленного порядка поднимается консервативная часть общества. Литература отражает эту борьбу традиции и новых устремлений молодежи.

В середине XVII в., суммируя традиционные характеристики порочных — «злых» жен, сложившиеся в церковно-дидактической литературе, и подкрепляя их натуралистическими портретами женщин, ищущих чувственных удовольствий, «Беседа отца с сыном о женской злобе» ставит своей задачей предостеречь молодежь от этих беспокойных и не покоряющихся семейной власти жен. «Беседа» — диалог между сыном, идеализирующим женщину, и отцом, у которого нашлись одни темные краски для ее портрета.

Сын, ссылаясь на благословение девы Марии, рисует светлый образ женщины, на что отец отвечает: «В нынешних летех единая жена от тысячи такова, якоже ты глаголеши, обрящетца. . . В нынешних вещех мнози человецы грады многими владеют, а женам своим работают; извыкли бо жены их в зеркало приизирати, и вапами лица своя помазовати, и вежда свои возвышати, и черновидно лица своя вообразити, и многим себе уряжением украшати и многих очеса на видение красоты своя превращати и приводити; украшают бо телеса своя, а не душу, уды своя связали шолком, лбы своя потягнули жемчугом, ушеса своя завесили драгими рясами, да не слышат гласа божия, ни святых книг почитания, ни отцов своих духовных учения. Жены познали заблуждения, мужие же возлюбили на женах своих многая украшения, а сами восприяли убогое одеяние носити на себе, все для жен своих украшение. . . Женское украшение всегдашнее мужу сухота и приводит до острого меча. Много бо сего бывает, еже в великия долги себя влагает, и от того вечно погибает, понеже своего не имут, а жен украшают». Вот строптивая жена, требующая исполнения всех своих желаний: «Аще ли кто хотения ея не исполнит, тогда она зелне въздыхает, слезит и шепчит, ни худа, ни добра не глаголет, очи свои изменит, нос потупит, и зубы своими скрегчет, и что речет муж ея, и она что медведица пыхнет, и пред ним плачет день и нош, и мужу своему покоя не даст, гнев имеет, и муж ея от нее покоя не имат, а она глаголет: иных мужей жены ходят красно, и вси их чтут, аз же, бедная, в женах возненавиденная, и всеми незнаема, и от всех укоряема! Почто ты мне ныне муж? Дабы аз не знала! Аз была отца богатого дочь и матери добрая, и племяни славного, и таковых родителей дщерь — и толко бы аз была девица, был бы мне муж отца богатого сын, и была бы аз госпожа добру многу, и везде бы была аз честна и хвална, и почитаема от всех людей!».

«Льстивая и пронырливая», «сварливая и злоязычная», «крадливая и лукавая», женщина особенно пугает «отца», когда она

стремится к чувственной любви: «Таковая жена мужу своему во стретение изыдет, ланитами склаблящиися, уничижающися, и за руде мужа приимающе, и одеяние совлачающе, словесы льстящи и усты лобызающе, сице глаголюще (в речи жены изображаются весьма натуралистично признаки ее страсти к мужу, — В. А.-П.) ... И еще буде он муж ея, и она его вскоре оболстит; еще в дому его не прилучится, и она близ оконца приседит, семо и овамо колеблющяся, а со смирением не сидит; скачет и пляшет, и всем телом движется, сандалиями стучит, руками плещит, и пляшет, яко прелстившаяся блудница Иродиада, бедрами трясет, хрептом вихляет, головою кивает, гласом поет, языком глаголет, бесовская ризы многи премяняет, и в оконце часто призирает, подобна Иродиаде чинитца, и многим юным угодит и всякого к себе льстит».³

Автор «Беседы», напуганный женской смелостью в ухаживанье, которую он, очевидно, наблюдал, раз мог описать ее хотя и сгущенными красками и с осуждением, но в общем верно, — говорит о женщине, как о чудовище, от которого надо бежать: оно страшнее всего на свете. «Беседе» вторят, хоть и без присутствия ей мрачного гиперболизма, пословицы, сохранившиеся с конца XVII в.: «Никто не бывал, а у девки дитя»; «Девичей стыд до порога — как переступилась, так и забылась»; а вот жена — своевольная, чувственная: «Бог волен да жена, коли волю взяла»; «Жена мужа не бьет, а в свой норов ведет»; «Муж жену лозюю, а она ему грозою»; «Принять жене нужу, а не покориться ей мужу»; даже бесу не справиться с такой женой: «Хотел бес Еву ногами затоптать, а уж ее и руками не достать»; «Баба бредит, черт ей верит»; такая жена недолго верна мужу: «По нуже с мужем, коли гостя нету»; «Стрелец за волками, а жена за молодцами»⁴ и т. п.

Русские повести со второй половины XVII в., отражая быт, все смелее останавливаются на любовной теме. В повести о Савве Грудыне — знакомое и по жартам XVIII в. противопоставление молодой жены старому мужу; но роман ее с молодым Саввой изображается еще как греховное увлечение. Лет через 20—30 в повести появляется девушка, по-своему решающая личный вопрос: Аннушка Нардин-Нащокина (Повесть о Фроле Скобееве) действует, не задумываясь над морально-религиозной оценкой своих поступков.

Сходные нередко с фациями по своим сюжетам стихотворные жарты иначе оценивают женское «непостоянство» и

³ Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбодрко, под ред. Н. Костомарова, вып. II, СПб., 1860, стр. 462—463.

⁴ Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, вып. I. Собрал и приготовил к печати П. Симони, СПб., 1899, стр. 73—214.

«увертки», помогающие в любовных приключениях: в жартах слышно скорее сочувствие женской изобретательности и насмешка над обманутым мужем. В этой новой оценке семейных конфликтов отразился протест нового поколения против закрепленного в прошлом учительной литературой отношения к любви как к «греховному» чувству и к власти «главы семьи» как к непререкаемому авторитету. Одна крайность в запретах породила другую в стремлении к освобождению от гнета этих запретов. Оценка фривольных сюжетов стихотворных жарт отразила эту крайность проявления протеста, желание защитить право женщины на свободное устройство личной жизни.